

творчество молодых

«А ГДЕ МНЕ ВЗЯТЬ ТАКУЮ ПЕСНЮ...»

В

ЛЕГКОМ, цветастом платьице она выпархивает на сцену, словно удивленная, что вот сейчас дирижер взмахнет палочкой, вступит оркестр — и уже можно будет петь. Ведь петь для нее — это праздник, и праздник, как известно, не может длиться всю жизнь, а у нее теперь длится, изо дня в день, и Валя всякий раз мысленно благодарит судьбу за такой подарок. Она действительно готова без конца говорить «спасибо» и дирижеру, и каждому оркестранту, и даже машинисту сцены, хотя всякий раз, будь то в «Октябрьском» зале или в сельском клубе, даже если ее слушают одни пионеры, волнуется просто невероятно.

Однажды сцена вообще закачалась у нее под ногами, потому что Валя увидела в зале маму, которая даже не предполагала, что дочка стала настоящей певицей. Совсем случайно прочитала афишу, посвященную гастроллям ленинградцев, а на афише — портрет дочки. Попутной машинной добиралась до Челябинска, с рук доставала билет, и вот теперь, подбежав к самой эстраде, протягивает Вале любимые ее гвоздики, и Валя, тоже не веря глазам своим, в изумлении оповещает всех зрителей:

— Это ж моя мама!..

А ВЕДЬ если Вале хорошенько вспомнить, Зинаида Дмитриевна прочила дочке совсем иную судьбу, хотела, чтобы та «занималась делом», потому что разные песенки от нее и так никуда не уйдут. Сколько давалось в их уральском городке всяких самодеятельных концертов, Валя всегда была их непременной участницей. Однажды даже в Москву попала на всеобщий смотр, и Зинаида Дмитриевна слушала трансляцию из Дома Союзов, когда дочка

выводила: «На далекой стороне молви, ласточка, ты мне...»

Но раз мама настаивала на «деле», Валя, приехав на берега Невы, послушно поступила в Герценовский. А петь продолжала. Как-то на экзамене по диамату строгий доцент даже спрашивать не стал. «Хорошо, — говорит, — вы вчера на концерте...» И поставил, растроганный, совсем неожиданную пятерку.

И когда сама преподавала, тоже продолжала петь. В их классе и перемены-то были какие-то необычные. Другие дети как дети: по коридорам носятся, кричат, а здесь первоклашки окружают свою Валентину Николаевну и чеканят старательно: «Мы шли под грохот канонады...» Не удержалась Валентина Николаевна и поступила в музыкальное училище, что при Консерватории.

И сразу начались концерты, даже гастрольные поездки. С коллективом, которым руководил Махмуд Эсамбаев, объездила Поволжье, Украину, Урал, Сибирь. Спасибо Аэрофлоту — не раз выручал студентку, давал возможность откуда-нибудь из-под Саратова залететь на денек-другой в Ленинград, чтобы сдать очередной экзамен.

Эсамбаев оказался серьезным наставником. Учил азам: как ходить по сцене, как кланяться. Внушал: «Самое главное — не считай хлопки. Твое дело — петь». Когда она пела, он обычно готовился к очередному танцу — гримировался, переодевался, но чутиком ухом все равно успе-

вал уловить, что там, на сцене, и потом очень тактично высказывал замечания.

Повезло Беловой и со вторым наставником. Им стал Анатолий Бадхен. Именно встречу с его оркестром Валя считает подарком судьбы. Шел песенный фестиваль «Ленинградская весна-70», и однажды понадобилось кого-то срочно заменить. Так искушенный зритель «Октябрьского» впервые услышал и запомнил Валентину Белову. А для Вали с этого счастливого дня началась истинная школа песни, потому что здесь, в этих светлых стенах, немислима никакая «Лада», потому что этот оркестр требует от своих солистов самого высокого вкуса. И она старается не изменять той чистой ноте, которую когда-то признала для себя единственно приемлемой.

СТАЖ у Вали маленький: в Ленконцерте она меньше двух лет. К тому, что актриса, — никак не привыкнет, каждое выступление считает главным. И зритель это чувствует. Прошлой зимой приехала на одну из шахт Донбаса. Зрители — в пальто, а она — в легком платьице. Спела одну, другую. Вдруг поднимается седой шахтер: «Иди-ка, милая, оденься потеплее, а так мы тебя слушать не будем...» И когда вернулась в свитере, воскликнул: «Теперь другое дело, теперь пой хоть до утра!»

Ей благодарны не только слушатели. Спросите композиторов, и они единодушно подтвердят, как легко работает с Беловой. Вот и приглашают Валу для участия в своих концертах и Пожлаков, и Сорокин, и Балай... Так незаметно ре-

пертуар молодой певицы перевалил за сто песен. И самые необходимые ей — те, какие может петь только женщина, которая любит: «Ходит где-то по свету близкий мне человек. Пусть мою нежность он встретит и в дождь, и в зной, и в снег...»

Не привыкла еще и к гастрольным поездкам. Новые места воспринимает восторженно. Первые два дня вообще не пользуется никаким местным транспортом: ходит, смотрит... В Барнауле заставила всех знакомых отведать старинные сибирские блюда в неприметном кабачке

«Серебряное копытце», который только она и смогла обнаружить. Недалеко от Кемерово ползла загорать на самую вершину террикона, и хоть продуло ее основательно, зато Валя своими глазами видела, что и там, на, казалось бы, абсолютно безжизненной почве, растут маленькие зеленые деревца. А когда недавно летели в Минск, весь путь провела в пилотской кабине. Летчики показывали приборы, объясняли, что к чему, а вечером пришли на ее выступление и подарили яркие осенние цветы.

КАК-ТО опаздывала на концерт. Остановила такси, а шофер говорит: не по пути. Валя чуть не заплакала: «Понимаете, я певица, меня зрители ждут...» Таксист смилостивился: «Если споешь, подвезу». Делать нечего. Только тронулась машина, затянула «Калину красную». Слушал водитель, слушал: «Что-то больно жалобно. Ты мне лучше с ча-ча-ча...» Улыбнулась Валя: «С ча-ча-ча не пою...» И чуть слышно, как сама себе:

А где мне взять такую песню
И о любви, и о судьбе,
И чтоб никто не догадался,
Что эта песня о тебе...

Наверное, веселый таксист в конце концов все-таки догадался. Догадался, что «ча-ча-ча» — это, действительно, не для Вали. Что есть у нее другая песня, которая человеческому сердцу во сто крат необходимой.

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото М. Ширмана